

18+

Наталья Голик

Под
созвездием
черепахи

Наталья Голик

Под созвездием черепахи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69978829

ISBN 9785006084568

Аннотация

Книга Натальи Голик – кружево из нитей прошлого и настоящего, где заметки с тропического острова сменяются зарисовками о происходящем в мире, а затем переплетаются с воспоминаниями. И самое тонкое, что улавливается в книге, это ощущение времени. Насколько оно ценно, как оно все меняет и трансформирует, как оно делит нашу жизнь на «до и после». Его всегда мало, а иногда хочется вернуть – и мы достаем из памяти, словно ракушки из песка, нити прошлого – чтобы острее почувствовать свое настоящее. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

30 марта 2023 г.	7
День второй	14
День третий	16
Под созвездием черепахи	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Под созвездием черепахи

Наталья Голик

Иллюстратор Алексей Кирилов

© Наталья Голик, 2023

© Алексей Кирилов, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0060-8456-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аэропорт Дубая: маленький переполненный терминал для лоукостеров, две с половиной кафешки и в наиболее приличной – нехватка столов. Так я оказалась за столиком с Еленой из Екатеринбурга. Она летела домой – провела месяц в Таиланде.

– Лена, а ты отдыхать умеешь? – невинно спросила я, думая о своем. И попала в больное. Оказалось, она за свои 59 лет впервые улетела в отпуск на целый месяц! У нее бизнес, производство, команда и куча обязательств. С мужем на грани развода, бизнес на ней и куча всего прочего. Но она героически все бросила и отправилась в путешествие, строго-настрога запретив себе даже думать о работе.

– Получилось? – спрашиваю.

– Ты знаешь, ДА! И у тебя получится.

Буду пробовать не думать о работе, чилить по максимуму и постараюсь что-то сделать с неугомонным умом. Ах да, забыла главное: я по пути на Шри-Ланку. Весна 2023-го, я живу в Ереване (что-то случилось), и я миллион лет не была в отпуске.

Объявили рейс на Екатеринбург, и Лена убежала, обняв меня на прощание: «Удачи тебе, Наталья!»

Я вышла из кафе и нашла себе место у окна, в самом дальнем и спокойном углу зала ожидания. Смотрю на медленно ползающие тела самолетов за окном. Они похожи на китов в бассейне – движутся медленно и только взад-вперед, пока не освободились от аэропорта и не взлетели к свободе. Я думаю о том, что мне было 30 лет, когда взлетела я сама – с началом работы в большой международной компании я будто оторвалась от земли и набрала скорость. За следующие пятнадцать лет налетала сотни тысяч миль, увидела аэропорты трех континентов, и десятки стран оставили штампы в моем паспорте.

За это время выросли мои дочери и почти распался брак.

Потом он распался окончательно; спустя еще пару лет я ушла из компании и организовала свой бизнес. Летать с тех пор я стала меньше, но каждый раз, оказываясь на терминале международного аэропорта, я чувствую себя в своей стихии – здесь для меня заметнее бьется пульс жизни и появляется ощущение целого мира, опутанного трассами воздушных судов, нитками дорог и интернет-каналами, гудящего, шумного и очень-очень живого. Я сижу у окна, впитывая запахи и шумы терминала, думаю о своем, пока меня не встряхивает голос, объявляющий рейс на Коломбо. Пора в путь!

30 марта 2023 г.

Я летела на Ланку с намерением ежедневно усаживать себя на час за ноутбук и писать всё, что давно хотело быть написанным, плюс вообще всё, что придет на ум. Ум мой – трудяга и склочник, готов разругаться с любым органом тела или другим человеком, если ему что-то не по нраву. А еще он непрерывно хочет питаться информацией и не даёт мне спокойно посидеть пять минут.

Я летела в отпуск, пообещав себе бездельничать. И вот, первый день на Ланке, а я сижу в коворкинге под кондиционером и смотрю на экран ноутбука. «Штирлица неудержимо рвало на родину», прости господи. А меня – в рабочую атмосферу, это моя зона комфорта. Ладно, раз уж я здесь, буду писать, «расписываться» по часу в день – вполне себе занятие для переключения головы с работы в режим отдыха. Reboot!

* * *

С детства любила складывать слова в стройные фразы, играть с пунктуацией и грамматикой. Перекатывать метафоры по небу, как задумчивый дегустатор, и улавливать оттенки смысла. В разгар ковида начала писать впер-

вые после юности, когда писала сочинения и дневники. Поняла, что идёт!

Почуяла. Совпало с новым проектом и стало работой. Заработком. Окей, но теперь хочется другого. Сейчас мои тексты в маркетинге – работа по заказу. А книгу написать – это как прилюдно раздеться. Или нет? Пишут же другие, и ничего, со стыда не мрут. Задумаюсь об этом. Засим позвольте откланяться. Завтра вернусь.

* * *

Первый день в тропиках – это непрерывная эйфория с примесью пота, песка и усталости от долгого перелета. Океан сильно шумит и при близком рассмотрении слегка пугает: острые ракушки режут ноги, волны сильно швыряют тебя на мелководье или грозят утянуть в глубину – стоит только отплыть подальше. Страшновато – стихия в самом чистом виде.

Солнце просвечивает на тебя через листья бананов или еще через что-то громадное зеленое лапчатое – и зелень кажется какой-то невероятно яркой. Как гуашь из самой красивой баночки. Такой краской рисуют среднюю полосу в радуге оформители детских книжек.

Хозяйка гостиницы не показывается, зато у неё есть 70-летний отец, активный невысокий добродушный дядька, которого я зову «рарá», потому что он назвал меня daughter, и имя его я забыла через секунду. С именами вообще беда, особенно с местными. Если сразу не записать или не придумать ассоциацию, ни за что не вспомню.

Из сегодняшних имен помню два европейских: в моей гостинице живут пожилой мальтиец Сварго и Марус из Швейцарии – помоложе. Еще парочка австрийских геев с пока неизвестными мне именами. Мальтиец мне понравился. Жаль, что в гостинице нет ресторана – придется куда-то идти.

Но для начала схожу искупаться – солнце село, волны стали вроде поменьше, и я покачаюсь на них – такую бирюзу невозможно отпустить без ежедневного применения.

* * *

В первый день на любом побережье я иду здороваться с морем. В последний – прощаюсь. Я, всю жизнь живущая далеко от большой воды, отношусь к ней как язычник к древнему богу: с поклонением, страхом и осторожным восторгом. Говорю с ним и понимаю, что ему все равно. Но не все равно мне: я прикасаюсь к большому и живому, и мои сло-

ва важны для меня самой: «Ах, какой же ты могучий!» Увожу восторг с собой в сухие степи; знаю, что тебе все равно, но люблю тебя – и твоё равнодушие.

Когда я думаю о море, оно живёт во мне зеленым прохладным головокружением, качанием над донным песком, мокрыми камнями на рассвете.

Когда думаю о море, мне кажется, что между домами на проспекте Комитаса я вижу его синеву, и в сухую Ереванскую жару душно вплетается йодистый привкус морского ветра.

Думаю о море, и вот оно разлилось прямо под моим балконом, прибой полощет ступени Каскада, и опять к Арарату направляется библейский старец на самодельном корабле.

...о море, и волны накрывают линии боев, разрушенные города и сожженные деревья, и нет этого вовсе. Чайки летают над волнами, ветер треплет паруса, и впереди новый рассвет. Море – если бы оно разлилось над всем измученным, горестным, безразличным, усталым миром и смыло бы войну без следа. Море...

Я выхожу из дома в летнюю жару. «Относительная влажность – 38 процентов», – спасибо, Алиса, я и так вижу, что

у нас тут великая сушь. И нет сказочного способа разрешить все проблемы. И дело не в море. Это просто большая вода, и я три недели жила на её краешке. Шри-Ланка, весна 23-го.

* * *

Утро, часов восемь. Прихожу на пляж, пока солнце ещё не жжёт мою слишком бледную для тропиков кожу, и топая в воду. На ногах резиновые тапки. Принцесса не любит колоть ножки о камни и коралловые наросты. Поэтому пришлось, объездив пяток магазинов, купить обычные тапки для бега и сделать их специальными «coral shoes».

Вода мутновато-зеленая, в ней смутно видны крупные донные камни. He stones, a rocks. Иногда я вижу черепаху. Она мелькает в воде желтым пятном головы с черным глазком. Потом виден хвостик – треугольный и желтый, и тут уж я точно знаю: это не морской мусор на волнах, это – она.

Черепаха приплыла отложить яйца в песке. Равнодушная природа назначила маленьким черепашкам смертельную опасность сразу после рождения. Они рождаются в песке на пляже и должны преодолеть полосу прибоя, чтобы попасть в море. Ими питаются все кому не лень: птицы, вараны и многочисленные собаки из прибрежных поселков.

Ланкийцы пытаются этому помешать, в конце концов собакам есть что поесть около людей. Парни по утрам находят черепашки кладки по следам на песке, выкапывают черепашек и складывают их в коробки, потом относят в море. Так есть чуть больше шансов, что черепашки выживут.

Если черепашку не съели и она добралась до океана, можно встретить её и покачаться на волнах вместе.

* * *

На каком-то тренинге мне надо было придумать метафору для описания моей жизни. Придумалась дорога. Не кидайтесь помидорами – да, банальщина, жизнь-дорога. Но с личным привкусом. Моя дорога – это полеты, поездки по Европе и России, ветер в лицо на остановках посреди трассы, встречи и прощания, собранный чемодан, календари, отели и улицы незнакомых городов, чужая жизнь, улыбки незнакомцев, рассвет за иллюминатором и возвращение домой.

После увольнения из международной компании поездок стало мало. Да еще и ковид. И я постепенно поняла, что путешествия меня перезагружали. Даже если не в отпуск. А еще я вспомнила, что 100500 лет не уезжала просто отдышать одна. А, нет, не так – я НИКОГДА не ездила отды-

хатъ одна. Пора начинать.

День второй

Способность подолгу ничего не делать – талант или слабость? Я этого не умею и считаю это недоступным мне талантом.

Моя младшая сестра умеет и кайфует от этого. Но при этом она гораздо больше времени, чем я, проводит за работой. Собственно, она работает на меня и совершенно точно намного дольше сидит за ноутбуком и что-то делает. А может, ей проще ничего не делать во время отдыха, потому что она устает сильнее?

Как измерить усталость? Устает больше кто: тот, кто «работает работу» по девять часов в день, или тот, у кого ответственность больше? Усталость – это вообще не выдумка ли?

Ой, что-то я загоняюсь. Пойду поплаваю, что ли. Да, могу себе позволить! До завтра, дорогой дневник (сказала бы я, но это не дневник).

* * *

Обещала себе писать каждый день по часу и послушно села за ноут. Сижусь вот. Мыслей нет. И не пойму: их нет,

потому что я тупая? Или я так устала быть умной, что мысли сбегали, чтобы не довести меня до ручки?

Сочинители хороших стихов и прозы говорят, что строки приходят сами. Что приходит мне? Вот это вот всё, чёрт побери, и никак из этого лабиринта не выскочить. Единственная надежда – дорогу осилит идущий. Если я РЕАЛЬНО ХОЧУ, чтобы мои тексты люди читали и получали удовольствие, я нащупаю невидимый и тонкий канал связи с хорошими стихами и прозой. Стихи не моё – ребята сверху, сразу предупреждаю. Написала и задумалась: а почему так? Нет способностей или канал не тот? Боже, какая чушишишишь. Пора слезать с темы.

День третий

Этот март самый теплый (и даже под конец жаркий) в моей жизни. Зима в Ереване оказалась вполне европейская, и март – уже полноценная весна. А последние три дня месяца я плавлюсь от жары на Ланке.

Пока жара в кайф. Под этим солнцем, бананами и кокосовыми пальмами. Много русских вокруг со мной солидарны. Сёрферы тут обосновались давно, и в прошлом году к ним присоединились айтишники и куча русских всех прочих профессий и занятий, кто приехал сюда и остался.

Как, например, моя знакомая Ната – она живет на Ланке с начала войны. Которая шарахнула по ней (как и по мне) не в сентябре, с мобилизацией, а с первого дня. Мир будущего исчез, настоящее погрузилось в ад.

Пальмы помогают не думать об этом. Гостеприимная Ланка дает визы на полгода и продлевает бесконечно – только приезжайте, живите и тратьте здесь свои заработанные в онлайне рубли, мы даже научились менять их на ланкийские рупии через блокчейн.

Ната осталась на Ланке и через год любит это место, хотя

и не связывает с ним свое будущее. Как, впрочем, и я своё – с Ереваном. Но мы обе чувствуем тепло мест своего нынешнего обитания через доброту местных и очарование местности. Мне иногда кажется, что эта доброта и очарование возникают не для всех, а в результате соединения твоего внутреннего с внешним. Ну, типа, красота в глазах смотрящего. Кто-то видит помойки, а кто-то – свободу.

Мир стал схлопываться для русских – мы слышим это ежедневно. Что ж, формально – да: визы в приличные страны получить стало намного сложнее, авиаперелеты стали долгими и неудобными.

Но вот что я могу сказать по прошествии года: для меня эта ситуация (при всей ее кошмарности) стала толчком к смене места жительства. Она вырвала меня из родной почвы, и оказалось – я не растение! Мне почва вообще не нужна. И «где родился, там и пригодился» – точно не моя философия.

Я знаю массу успешных людей, живущих по всему миру вдали от родного города. Я видела много мест в мире, которые мне нравятся куда больше Оренбурга, где я родилась. Так зачем себя привязывать к месту рождения?

Мир за горизонтом всегда был мне интересен. Люблю пу-

тешествия – от самого начала до возвращения домой. В путешествиях у меня как будто обостряются все органы чувств, я вдыхаю непривычный воздух и с любопытством впитываю ароматы новых мест: от кофе на Кентроне¹ до помойки в Матаре².

¹ Кентрон – район в Ереване.

² Матара – город на юге Шри-Ланки.

Под созвездием черепахи

Сегодня плавала с маской и трогала громадных морских черепах, невозможно прекрасных и медленных; и подумала: пусть этот отпуск пройдет под знаком черепахи. Медленной и прекрасной. Да, в зодиаке такого нет – значит, оно только моё.

Хотя я всегда была супербыстрой: в моем школьном детстве эта стратегия помогла стать отличницей и остаться таковой до выпуска с медалью. Так было проще: требовалось меньше учиться. Не шучу – никогда ничего не зубрила. Проще было запомнить суть – так я справлялась с предметами типа физики и алгебры. С литературой было проще: я там высказывала свое мнение у доски или в сочинении. В конце 80-х свобода слова поощрялась, а отрывки моих сочинений учительница иногда зачитывала классу. Одноклассники слушали и, кажется, недоумевали: как это она пишет, как в книгах, и, главное, зачем? А я сама тогда не понимала, зачем мне это нужно.

Много позже, во время ковидного локдауна, я стала писать за деньги, и с этого начался мой путь к собственному агентству. А недавно возникла настойчивая мысль: если я могу и люблю писать, почему бы мне не делать это? «Фига

се, – ответила я мысли, – а так можно?»

«Можно, – продолжала упорно мысль, – ты просто не напрягайся и пиши». Но мой УМ (черт его подери) тут же встрял с вопросом «О чем писать?», идеи нет, ныл и хныкал ум, чтобы писать, дескать, нужна грандиозная идея. Чтобы, так сказать, в мир нести что-то полезное. Мысль приуныла и затаилась в углу сознания. Но не ушла.

И вот она я – в отпуске на Шри-Ланке, под шум океана сижу и пишу обо всем подряд, не зная, что из этого выйдет и выйдет ли.

Во мне сражаются ум и талант. Ум не признает талант и задвигает его в угол. Талант неуверенно топчется в углу и мечтает о сцене. Талант, я на твоей стороне, давай что-то сделаем с умом. Нам стоит объединиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.